

Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А.Г. Битова)

Зайцева И.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск*

В статье анализируются возможности, которые открывает для более полного и всестороннего осмысления лингво-философского феномена «родной язык» привлечение в качестве исследуемого материала коммуникативно-речевых произведений с явным присутствием эстетической функции.

Цель работы – пронаблюдать за авторским осмыслением понятия «родной язык» в одном из художественно-публицистических дискурсов, созданным известным писателем и публицистом Андреем Георгиевичем Битовым.

***Материал и методы.** Материалом для выполнения исследования послужил очерк А.Г. Битова «Урок языка», входящий в художественно-публицистический цикл «Уроки Армении» (1969).*

Основными методами при этом явились семантический, контекстуальный, сопоставительный и интерпретативный анализ, а также дискурс-анализ.

***Результаты и их обсуждение.** Поскольку в художественно-публицистическом произведении понятие «родной язык» функционирует, вобрав в себя элементы индивидуально-авторского мировидения, оно получает в подобных дискурсах более глубокое и многогранное истолкование, выявляет свойства, менее актуальные либо вообще не принимаемые во внимание при иных подходах к нему (в том числе и при осмыслении в ключе сугубо академическом). Это, в свою очередь, позволяет охарактеризовать данное понятие более развёрнуто и конкретно.*

***Заключение.** Ценность привлечения коммуникативно-речевых произведений с явным преобладанием эстетической функции, в частности художественно-публицистических, для осмысления сути ключевых лингво-философских понятий, к которым принадлежит и такая категория, как родной язык, представляется не только очевидной, но и чрезвычайно важной.*

***Ключевые слова:** родной язык, лингвокультура, эстетическая функция, художественно-публицистическое произведение, лингвоэкология, индивидуально-авторское мировосприятие, креативность.*

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 95–100)

On the Awareness of the Originality of the Mother Tongue in the Conditions of “Foreign” Linguistic Culture (on the Material of the Work “Lesson of Language” by A.G. Bitov)

Zaitseva I.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The article analyzes the possibilities that open for a more complete and comprehensive understanding of the linguistic and philosophical phenomenon “native language” the attraction as the research material of communicative and speech works with the obvious presence of an aesthetic function.

The research purpose is to observe the author’s understanding of the notion of mother tongue in one of the artistic and journalist discourses created by a well-known writer and journalist Andrei Georgiyevich Bitov.

***Material and methods.** The material for the study was an essay by A.G. Bitov “Lesson of Language”, which is part of the artistic and journalistic cycle “Lessons of Armenia” (1969).*

The main methods of the study were the following: semantic, contextual, comparative and interpretative analysis, as well as discourse analysis.

***Findings and their discussion.** Since the concept of mother tongue functions in an artistic and journalistic work, incorporating elements of the individual author’s worldview, it receives a deeper and more multifaceted interpretation in such*

discourses, reveals properties that are less relevant or not taken into account in other approaches to it (including the purely academic interpretation). This, in turn, allows us to characterize this concept in a more detailed and specific way.

Conclusion. The value of attracting communicative and speech works with a clear predominance of aesthetic function, in particular artistic and journalistic, to understand the essence of the key linguistic and philosophic concepts, which belong to such a category as the mother tongue, is not only obvious, but also extremely important.

Key words: mother tongue, linguistic culture, aesthetic function, an artistic and journalistic work, linguistic ecology, individual author's perception of the world, creativity.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 95–100)

Категория «родной язык» в последние несколько десятилетий находится в центре исследовательского внимания как лингвистов, так и представителей множества смежных с языкознанием научных отраслей: социолингвистики, психолингвистики, лингводидактики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и многих других. Несмотря на столь пристальный интерес учёных к этому понятию, оно и в настоящее время является изученным явно недостаточно и, как следствие, будучи весьма активно применяемым в различных научных сферах, практически ни в одной из них не имеет однозначного толкования. Так, в частности, в изданном в 2013 году «Словаре терминов межкультурной коммуникации» [1] данное понятие трактуется как тождественное ряду иных терминов, в понимании которых на сегодня также не существует единства: «язык родной – *mother tongue, native language*. – Язык, используемый индивидом с рождения, полученный в монолингвальной семье. В определённых условиях родной язык ребёнка может отличаться от языка его родителей. При смене языка родной язык может не совпадать с первым языком индивида. Тж. язык материнский, язык первичной социализации, язык этнический» [1, с. 493].

Недостаточно чёткое представление о родном языке как научной дефиниции обуславливает необходимость системного выстраивания основных характеристик данного понятия, формирование перечня которых, с нашей точки зрения, могло бы обеспечить большую конкретность и чёткость его истолкования как при использовании в отдельных областях научного знания (в частности – в лингвистической науке), так и в принципе.

Системному выстраиванию диапазона параметров, свойственных категории «родной язык» как научной дефиниции, с нашей точки зрения, в значительной степени может способствовать детальный анализ осмысления данного понятия не только в научно-исследовательской сфере, но и в иных областях человеческой деятельности – в различных коммуникативно-речевых образованиях, где фигурирует рассматриваемая категория, выполняя не только традиционно ей свойственные в научном дискурсе, но и иные функции. Речь в данном случае идёт прежде всего о функции эстетической, наиболее отчётливо присущей в произведениях художественной словесности, однако имеющей место

и в других жанрах, в частности – в художественной публицистике, где данная функция реализуется, как правило, в сочетании с другими, но в ряде случаев является очевидно приоритетной.

Настоящая публикация имеет целью пронаблюдать за авторским осмыслением понятия «родной язык» в одном из художественно-публицистических дискурсов, созданным известным писателем и публицистом Андреем Георгиевичем Битовым.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужило художественно-публицистическое произведение А.Г. Битова – очерк «Урок языка», входящий в художественно-публицистический цикл «Уроки Армении» (1969) [2].

Основными методами при этом явились семантический, контекстуальный, сопоставительный и интерпретативный анализ, а также дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. Понятие «родной язык», как уже было отмечено, фигурирует в настоящее время в исследованиях самой различной тематики; в лингвистических и контактирующих с языкознанием сферах оно употребляется, пожалуй, наиболее активно, о чём свидетельствуют, в частности, и попытки осмыслить данную категорию не только в академических источниках, но и в научно-популярной лингвистической литературе. Так, например, в томе «Языкознание. Русский язык» из популярной серии «Энциклопедия для детей», адресованном школьникам старших классов, находим о родном языке следующую информацию: «**Язык, который человек усваивает в раннем детстве, называют материнским, или родным. ...**

Родной язык осваивается лишь в раннем детстве, не позже, чем в четыре года. Только в этом возрасте в овладении языком участвуют оба полушария мозга. Позже освоить язык значительно труднее, потому что в обучении участвует лишь левое полушарие. Оно отвечает за фонетику и грамматику, поэтому научиться говорить на чужом языке без акцента и грамматических ошибок можно в любом возрасте. Но языковыми значениями ведаёт прежде всего правое полушарие. Поэтому поздно выученный язык будет обеднён с точки зрения богатства значений. **Если даже человеку придётся в дальнейшем пользоваться лишь неродным языком, влияние родного всё равно будет сказываться»** (выделено нами. – И.З.) [3].

Легко убедиться, однако, в том, что приведённый фрагмент в популярной форме излагает лишь одну

из существующих на сегодня точек зрения на интересующее нас понятие (к тому же разделяемую далеко не всеми исследователями), определяя родной язык как *язык, усвоенный человеком с детства*. Однако и при несходстве существующих на понятие «родной язык» точек зрения практически не вызывает сомнений то, что именно родной язык чаще всего является для человека *основным* средством общения, выполняя при этом не только информативно-коммуникативную, но и ряд других важных функций, в том числе и выходящих за рамки собственно процесса вербального общения: воплощения особенностей внутреннего мира индивида; выражения присущих ему личностно-психологических качеств и эмоционального состояния в конкретной жизненной ситуации и т.д. Более наглядно продемонстрировать и соответственно более глубоко осознать указанные и иного рода функции, реализуемые при безусловном участии родного языка, позволяет, с нашей точки зрения, рассмотрение коммуникативно-речевых произведений, в которых в той или иной степени присутствует эстетическая функция. В первую очередь это, конечно же, разножанровые произведения художественной словесности; однако не меньшего внимания заслуживают и некоторые другие коммуникативно-речевые образования, в частности – художественно-публицистические, в которых нередко проявляют себя талантливые мастера художественной словесности.

Ведь произведения такого рода являют собой необыкновенно ценный исследовательский материал, поскольку помимо констатации факта, описания события и подобного рода информативных фиксаций они практически всегда содержат не только авторскую оценку изображаемого (причём в большинстве случаев – весьма оригинальную, с выраженным индивидуальным компонентом), но и в той или иной мере наделяют создаваемый текст основными параметрами художественного произведения, прежде всего – в плане выдвижения в нём на ведущие позиции эстетической функции. Результатом в этих случаях становится акцентирование читательского внимания на философско-эстетическом осмыслении (причём как наивно философского, так и академически философского свойства) в том числе и многих лингвистических явлений, стремление автора разными путями проникнуть в их суть, что в конечном итоге приводит к более многостороннему и глубокому осмыслению и ряда ключевых категорий лингвокультуры, в частности – феномена родного языка.

Одним из произведений, заслуживающих беспорочного внимания с обозначенных позиций, является художественно-публицистический цикл А.Г. Битова «Уроки Армении», на одном из очерков которого – «Урок языка» – мы сосредоточиваем внимание в настоящей публикации.

Уже первые строки рассматриваемого очерка характеризуют автора как личность нестандартную, с чутким, очевидно творческим осмыслением окружа-

ющего, постоянно рефлексирующую по поводу всего воспринимаемого, затрагивая в ходе этого процесса и весьма серьёзные лингво-философские проблемы. Вот как, в частности, автором воспринимается надпись названия города, в который он прибыл (Еревана), на двух – родном и чужом – языках, в зарисовке, практически открывающей произведение (первое из предположений приводимого далее фрагмента завершает первый абзац очерка):

«Я шёл к зданию вокзала:

ЕРЕВАН.

ԵՐԵՎԱՆ...

Ага, значит, вот эта штука – Е, вот эта Р, а эта опять Е...

Так и запечатлелся во мне первый кадр: ветер и выгоревшая трава, которая не то чтобы стелилась по ветру (она была слишком короткой для этого), но была навсегда им причёсана. Ветер подталкивал меня к Еревану. Это, значит, В, а это вот А, а это уже Н. Красиво» [2].

Как выяснится впоследствии, испытанный поведователем сенсорный (зрительный) импульс послужит основанием для весьма серьёзных, явно философского свойства, авторских рассуждений об алфавитах в принципе, а также – что в данном случае для нас особенно важно – об осязаемой, по мнению автора, связи истории конкретного народа с используемым им алфавитом. Эти авторские размышления весьма аргументированно доказывают, что алфавит может применяться не только в сугубо практических целях – для передачи речи на письме, – но и пробуждать в носителях языка (причём как в тех, для кого этот язык родной, так и в других) разные чувства – например, чувство благоговения, испытанное автором очерка по отношению к чужому, армянскому, алфавиту. Более того – автор утверждает, что сквозь призму очертаний составляющих тот или иной национальный алфавит буквенных знаков можно «разглядеть» и более глубоко осознать в том числе и некоторые черты национального своеобразия народа, которому этот алфавит принадлежит. По его мнению, внимательное отношение к буквенной системе нации стимулирует и более отчётливое проявление разного рода национальных общественно-исторических особенностей, которые складываются в многокомпонентную, но при этом целостную систему, заключающую в себе особенности национального мировосприятия. Подтверждением высказанного положения может служить приводимый далее фрагмент очерка А.Г. Битова: *«Это великий алфавит по точности соответствия звука графическому изображению. Тут всё цельно и образует круги. Цепкость армянской речи (“дикая кошка – армянская речь”) так соответствует ковности армянских букв, что слово – начертанное – звякнет, как цепь. ... Этими буквами можно подковывать живых коней... Или буквы эти стоило бы вытёсывать из камня,*

потому что камень в Армении столь же естествен, как и алфавит, и плавность и твёрдость армянской буквы не противоречат камню. (Стоит вспомнить очертания армянских крестов, чтобы опять восхищаться этим соответствием.) И так же точно подобна армянская буква своим верхним изгибом плечу древней армянской церкви или её своду, как есть эта линия в очертаниях её гор, как подобны они, в свою очередь, линиям женской груди, **настолько всеобщие для Армении это удивительное сочетание твёрдости и мягкости, жёсткости и плавности, мужественности и женственности – и в пейзаже и в воздухе, и в строениях и в людях, и в алфавите и в речи**» (выделено нами. – И.З.) [2].

Приведённые размышления А.Г. Битова касаются алфавита армянского языка – чужого для повествователя, которым он, по собственному его признанию, так и не овладел. Однако творческое отношение к языку как таковому, «пронизывающее» всё анализируемое произведение, создаёт основу и для более глубокого проникновения в суть родного для автора языка – русского, формирует соответствующий фон для расстановки авторских акцентов на самых неожиданных качествах этого феномена, и как следствие – явно выводит и сознание читателя из стандартного, автоматизированного восприятия многих его свойств. Это выражается, в частности, в приводимых далее словах: «*Никогда бы не предположил, что после палочек и ноликов первого класса буквы могут стать ещё раз предметом волнений и даже страстей... Однако если не первый, то второй вопрос, который мне задали на армянской земле, был: “Ну, как тебе нравится наш алфавит? Правда, очень? Скажи, только честно, какой тебе больше нравится, твой или наш?”*»

Да простит мне Россия, я готов согласиться: наш алфавит проигрывает... У “великого, могучего, правдивого и свободного” (Тургенев) не будет от такого заявления» [2].

После воплощения в очерке эмоционально-субъективного восприятия двух алфавитов – чужого и родного языков – автор переходит к размышлениям более глобального характера, усматривая в историческом изменении правил пользования алфавитом отражение трансформации собственно системы языка и применяемых в общении конкретных речевых средств: «*Собственно, раньше я о достоинствах нашего алфавита почему-то не задумывался. Разве что мне казалось неверным набирать классиков по новой орфографии – они-то ведь не по ней писали. Мне не хватает фиты в имени Фёдор, например, и десятиричного в слове “идиот” и кое-где твёрдых знаков, в конце некоторых слов. (Так же и рождались классики, не по новому стилю, а по старому: привыкли к числу и месяцу своего рождения... и число это что-нибудь для них значило.) Не переименовываем же мы в их произведениях города и улицы в соответствии с названиями нынешними, не переводим цены в новый масштаб цен... Такие мелкие вопросы досу-*

же возникали во мне. А так я не обращал внимания на наш алфавит, не замечал его, более вслушиваясь в слово, чем всматриваясь в него.

Задумался я об этом, лишь присмотревшись к армянскому алфавиту и послушавшись чужого звучания речи» (выделено нами. – И.З.) [2].

В приведённых словах заключена очень глубокая и, как представляется, чрезвычайно важная для постижения сути языка вообще мысль, которую необходимо учитывать при осмыслении феномена языка лингвоэкологических позиций – причём как языкового существования в целом, так и конкретных проявлений языка в разного рода речевых событиях. К настоящему моменту уже установлено, что одним из ключевых понятий лингвистической экологии (лингвоэкологии) является понятие *языковой среды*, которое по отношению к языку рассматривается в двух аспектах. «С одной стороны, это некое состояние языковой системы и общественно-речевой практики в данный исторический момент развития языка, оказывающее определённое влияние на формирование языкового сознания (в том числе – языковых предпочтений членов социума). С другой стороны, это совокупность экстралингвистических факторов и условий (экономических, политических, идеологических, культурных, социально-психологических, этнопсихологических и т.д.), влияющих на состояние языка, направление его развития и характер функционирования» [4].

В представленных в очерке наблюдениях А. Битова затронута весьма важная лингвоэкологическая проблема, связанная с определением правомерности *сознательного вмешательства* в язык – в частности, в те лингвистические явления, которые формировались в течение длительного времени и отразили и особенности исторического развития той или иной лингвокультуры. С этих позиций проблема о правомерности печатания произведений русских классиков, созданных в XVIII и XIX веках, с использованием современного алфавита, то есть в упрощённом по сравнению с предыдущими эпохами виде, оказывается решаемой совсем не однозначно. И замечание автора: «*Не переименовываем же мы в их произведениях города и улицы в соответствии с названиями нынешними, не переводим цены в новый масштаб цен*» – в связи с этим видится абсолютно справедливым.

Армяне в этом плане, по мнению автора очерка, оказались народом, значительно бережнее относящимся к своей культуре (а значит – и к сохранению своего национального своеобразия), нежели русские: «*Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нём древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись переходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз. И это тоже замечательно.*

Прогресс, врывающийся в словарь, в правописание, унификация правил, упрощение начертаний – дело, полезное для всеобщей грамотности, но не для культуры. Охрана языка от хозяйственных поползновений так же необходима, как и охрана природы и исторических памятников. Стоит вспомнить кириллицу, насколько она ближе по своей графике русскому пейзажу, русской архитектуре, русскому характеру» (выделено нами. – И.З.) [2].

Не менее интересным с исследовательской точки зрения представляется воплощённое в очерке авторское осмысление контактирующих в изображаемой ситуации языков: русского, родного для автора, и армянского, основного для той территории, где он временно пребывает. Интерпретация А. Битовым взаимодействия двух языков не столько с логических, сколько с эмоционально-креативных позиций позволяет ему «увидеть» и предъявить читателю те свойства родного языка, которые в среде привычного бытования и широкой распространённости последнего, как правило, не замечаются его носителями или, во всяком случае, не осознаются столь отчётливо. Так, у носителя языка, неплохо овладевшего каким-либо из иностранных («чужих» для него) языков, нередко складывается впечатление, что освоенный неродной язык вполне успешно может быть использован им *в любой* из сфер деятельности, причём не только в функции чисто информативной, но и во всех присущих языку иных (эмотивной, конативной и т.д.).

Однако при ближайшем рассмотрении подобное утверждение оказывается заблуждением, поскольку иностранный язык даже при практически совершенном им владении не сможет в полной мере заменить для носителя языка родной и, соответственно, по определению не способен выполнять его некоторые функции. Это в особенности заметно в отношении тех функций языка, которые базируются не только на рациональном подходе к последнему, но и на процессах подсознания, обозначаемых терминами «языковой вкус», «языковое чутьё», «чувство языка» и подобными, которые на сегодня изучены ещё крайне недостаточно. Ср. в связи с высказанным положением ещё один фрагмент рассматриваемого очерка, содержащий весьма любопытное авторское наблюдение за вначале использующими чужой, а затем переходящими на родной язык армянами и необыкновенно тонкий и глубокий комментарий к нему: *«И когда они [армяне] устают ломать свою голову и язык переводом таких простых и понятных слов, таких прекрасных, на чужой, мой язык, устают путаться в надеждах и родах, они вдруг соскальзывают счастливо на родную речь и начинают отдыхать в ней между собою. ... И когда они наконец погружаются в покалывающие, как горячая река, воды своей речи, я вдруг испытываю ту же лёгкость, что и они, с меня спадает эта невнятная неловкость, и мне радостно слышать чужую речь. И не только по причинам, приведённым выше. Впервые в жизни я поймал себя на том, что,*

не понимая языка, я слышу то, чего никогда не слышу в русской, понятной мне речи, а именно: как люди говорят» (выделено нами. – И.З.) [2].

По сути в приведённом фрагменте в эмоционально-образной форме воплощена мысль, которая академическим языком выражена в одной из посвящённых статусу родного языка научных статей, написанной профессором А.А. Кораблёвым: «Один из самых сильных социальных инстинктов, если не самый сильный, – быть собой, т.е. соответствовать своей сущности. **Отсюда – особое, иррациональное отношение к родному языку – ведь это первичное оформление своей самости.** Если бы язык был чем-то внешним по отношению к человеку, то трудно было бы объяснить остроту и решительность выступлений в его защиту. Именно природой языка, не сводимой к рациональности и системности, предопределена необычная и труднообъяснимая эмоциональность в дискуссиях о статусе языка: **язык в своей основе и сути – иррационален и онтологичен, это не только средство коммуникации, это форма человеческого бытия»** (выделено нами. – И.З.) [5].

Продолжая излагать в очерке наблюдения над общением своих друзей-армян, стремящихся из уважения к гостю говорить на его языке, автор приходит ещё к одному немаловажному, хотя на первый взгляд – парадоксальному, выводу: *«И ещё, когда они говорят со мной, то есть говорят по-русски, они никогда не смеются. Стоит им перейти на армянский – сразу смех. Словно смеются над тобой, непонимающим. Так вполне может показаться, пока не поймёшь, что смеяться возможно лишь на родном языке. Мне не с кем было посмеяться в Армении...»*

Если им бывало уж очень смешно, отсмеявшись, они спохватывались. Улыбка смеха сменялась улыбкой вежливости – подчинённая жизнь лица, – ко мне поворачивались. Та, невольная улыбка сходила ещё не сразу, память о смехе тихо таяла в глазах, и в них отражался я, моё наличие. Их лица приобретали чрезвычайно умное и углублённое выражение, как в разговоре с иностранцами на плохом языке, когда, чем глупее разговор, тем значительнее интонация, а киваний и поддакиваний не сдержат никакими силами... После таких разговоров ноют мускулы лица и шеи от непривычной, неестественной работы» (выделено нами. – И.З.) [2].

По тонкому наблюдению писателя, смех, будучи специфической формой человеческой культуры, «поведенческой, мимической и словесной реакцией на любые жизненные явления и ситуации, в основе которой – акт духовного преодоления внешних и внутренних семиотических границ (игра различиями своего и чужого и смена связанных с ним точек зрения, по Жан Поллю)» [6], в своём поведенчески-вербальном выражении теснейшим образом связан именно с родным языком личности, со всеми теми качествами человека, которые в родном языке не только концентрируются, но и находят максимально полное выражение («...смеяться возможно лишь на родном языке»).

Таким образом, способность смеяться, которая в значительной степени не контролируется логикой и рациональностью личности, а, напротив, по большей части основывается на подсознательных реакциях и свойствах человека, оказывается и одним из параметров, по которым можно отграничить чужой язык от родного, выделить среди окружающих «своего», связанного с тобой *общим* родным языком. «Мне не с кем было посмеяться в Армении...» – подводит автор очерка итог собственным наблюдениям, прекрасно осознавая при этом, что в Армении его окружали очень достойные и дружелюбно расположенные к нему люди, однако с иным – не таким, как у него, – родным языком.

Сформулированный параметр отграничения родного языка от всех остальных, которыми может владеть человек, А.Г. Битов включает в перечень характеристик родного языка, уже сформированный в настоящее время на основе как различных исследовательских источников, так и – что представляется крайне важным – и произведений с преобладанием эстетической функции, где данный феномен осмысливается преимущественно творчески (более подробно ряд произведений подобного рода охарактеризован в одной из наших прежних работ – см. [7]). Этот перечень, как и следовало ожидать, автор преподносит читателю с позиций индивидуально-творческого мировосприятия, в подчёркнутой образной форме: «Только на родном языке можно петь, писать стихи, признаваться в любви... На чужом языке, даже при отличном его знании, можно лишь преподавать язык, разговаривать о политике и заказывать котлету. Один язык у человека – два языка не покажешь.

Чуть ли не так, что чем тоньше и талантливей поэтическое и живое знание родного языка, тем безнадежней знание чужого, и разрыв невосполним. Как остроумен мой друг, по-русски мрачный, почти унылый человек... Каждая его фраза по-армянски встречается таким радостным, неподвластным смехом...

Мне не с кем было посмеяться в Армении. И я был счастлив, когда обо мне забывали» (выделено нами. – И.З.) [2].

Заключение. Таким образом, ценность привлечения коммуникативно-речевых произведений с явным преобладанием эстетической функции – художественных и художественно-публицистических – для осмысления сути ключевых лингво-философских понятий, к которым, вне всякого сомнения, относится и такая категория, как *родной язык*, видится нам не только очевидной, но и чрезвычайно важной. Будучи вос-

принятыми сквозь призму индивидуально-авторского мировидения, которое у талантливого художника слова, помимо обострённого чувства слова, повышенной экспрессивности и эмоциональности, как правило, сопровождается и выраженным креативным подходом, особым авторским «зрением», позволяющим выявлять в формируемой словесной ткани имплицитные (подтекстовые, ассоциативные и т.д.) смыслы, эти понятия получают более глубокое и многогранное истолкование, обнаруживают свойства, менее актуальные либо вообще не принимаемые во внимание при иных подходах к ним (в том числе и при осмыслении в ключе сугубо академическом).

Литература

1. Жукова, И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 632 с.
2. Битов, А.Г. Урок языка [Электронный ресурс] / А.Г. Битов // Битов, А.Г. Уроки Армении (Книга путешествий по Империи). – Режим доступа: <http://nashasreda.ru/andrej-bitov-uroki-armenii/>. – Дата доступа: 25.01.2019.
3. Еськова, Н. Чужой родной язык / Н. Еськова // Энциклопедия для детей. Т. 10: Языкознание. Русский язык / гл. ред. М.Д. Аксёнова. – М.: Аванта+, 1998. – С. 423.
4. Сковородников, А.П. Лингвистическая экология, или Лингвоэкология / А.П. Сковородников, Л.И. Скворцов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2003. – С. 294.
5. Кораблёв, А.А. Статус родного языка / А.А. Кораблёв // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – № 1(7). – С. 59.
6. Тamarченко, Н.Д. Смех / Н.Д. Тamarченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 238.
7. Зайцева, И.П. Художественно-эстетическое осмысление феномена родного языка в романе Милорада Павича «Ящик для письменных принадлежностей» / И.П. Зайцева // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сб. науч. ст. и творческих работ (по итогам научно-методического семинара, посвящённого Международному дню родного языка), Витебск, 21 февр. 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. И.П. Зайцевой и С.В. Николаенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 25–35.

Поступила в редакцию 20.09.2019